

Л. И. ЛАВРОВ

КАБАРДИНО-АДЫГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА XIII—XV вв.

Русско-адыгские * связи, приведшие Кабарду к принятию русского подданства в 1557 г., уходят в глубь веков. Можно с уверенностью сказать, что начало их нужно искать задолго до образования Тмутараканского княжества на Тамани в X в. Обзоры политических взаимоотношений древней Руси с Кавказом, в том числе и с предками нынешних кабардинцев, содержатся в целом ряде исторических сочинений. Но эти взаимоотношения не ограничивались областью политики. Доказательством тому служат некоторые общие черты в культуре, с одной стороны, русских, а с другой — кабардинцев и адыгейцев, черты, уходящие корнями в эпоху, предшествующую XVI в. Для выявления этих черт необходимо подытожить наши знания о культуре адыгов XIII—XV вв. Это нужно и для решения вопроса: какими ценностями обогатилась кабардинская культура в период более оживленных сношений с Русью — после 1557 г. Само собою разумеется, что, независимо от вопроса о русско-адыгских связях, изучение адыгской культуры XIII—XV вв. необходимо для построения истории кабардинского и адыгейского народов.

* * *

В XIII в., после монгольского нашествия, на опустевшие аланские земли в предгорьях Центрального Кавказа переселилась часть адыгов, образовавшая ядро позднейшего кабардинского народа¹. Этническое родство кабардинцев с адыгским населением Прикубанья и сохранение политических, экономических и других связей между ними в XIII—XV вв. объясняют нам причину близкого сродства культурных и бытовых особенностей обоих народов в указанное время. Фрагментарность сведений, которые содержатся в источниках, заставляет нас рассматривать вопросы истории кабардинской культуры в тесной связи с историей адыгейской культуры.

В течение XIII—XV вв. основным занятием адыгов было плужное земледелие в сочетании с отгонным скотоводством, причем в Кабарде отгонное скотоводство играло большую роль, чем земледелие. У адыгейцев наблюдалось обратное соотношение².

Переселение кабардинцев в XIII в. на нынешнюю территорию значительно расширило их пастбищную базу. Следствием этого был рост животноводческого производства и имущественной дифференциации. Неудивительно, что именно в XIII—XV вв. в Кабарде окончательно складывается

* Адыгами называют адыгейцев и кабардинцев вместе взятых.

¹ См. нашу статью «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории», «Сов. этнография», 1956, № 1, стр. 19—28.

² Л. И. Лавров, Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в., «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952, стр. 208—212.

ся та форма феодального вассалитета, которая почти без изменений дожила до XIX в. В XV в. в Кабарде пришла к власти княжеская династия Иналовых, которая управляла этим краем вплоть до введения там общероссийской администрации в XIX в.

В течение XIII—XV вв.³ кабардинцы, как и вообще все адыги, жили оседлыми поселениями в глинобитных постройках с четырехскатной соломенной крышей⁴.

Об одежде адыгов дают представление археологические материалы и сообщения Г. Интериано (конец XV в.). В богатых погребениях около станицы Белореченской обнаружены следы нижнего (нательного) платья из тонкого шелка; застежками служили мелкие пуговицы и петли из пришивной тесьмы. Такие платья обнаружены на мужских и женских скелетах. Следует думать, что крестьяне и рабы совсем не носили нательного белья. Поверх нижнего платья на погребенных обоего пола надеты короткие (выше колен) бешметы, покрой которых почти совпадает с покроем бешметов XIX—XX вв. Но в то время как бешметы XIX—XX вв. являлись повседневной одеждой и поэтому не имели украшений и шились, как правило, из дешевой ткани, бешмет XIV—XVI вв. мог быть парадным костюмом. Найденные в могилах того времени бешметы сшиты из шелка, на шелковой же подкладке и с золотыми или серебряными пуговицами. Борта украшены рядом горизонтальных нашивок из сложенной вдвое тесьмы (сплетенной из шелкового шнура «в косичку»). Длина каждой нашивки 7—10 см, а интервалы между ними 3—4 см. Кроме того, борта и подол бешмета окаймлены узорчатой шелковой лентой⁵.

Такие же бешметы найдены в кабардинских погребениях XIV—XV вв. около станицы Змейской⁶.

Нужно сказать, что бешмет вместе с буркой является одним из старейших элементов горско-кавказского костюма. Наиболее раннее изображение бешмета можно видеть на Этокском памятнике 1130 г., хранящемся в Государственном историческом музее в Москве.

Похороненные в белореченских могилах поверх бешмета были иногда одеты в халаты. Один такой халат из женского погребения, реставрированный Е. С. Видоновой, оказался прямого покроя, однобортный, со сходящимися спереди полами, без воротника, с полукруглым вырезом ворота и широкими разрезными рукавами. Спереди от ворота до пояса полы застегивались при помощи серебряных пуговиц и нашивных шелковых петель. Халат был длинной почти до пят⁷. Г. Интериано сообщает, что адыги носят «халат с широкими рукавами из холста»⁸.

Судя по всему, в XIII—XV вв. у адыгов не было ни черкески, ни того верхнего парадного женского платья («сай»), которое в XIX—XX вв. стало главным элементом национального костюма горняков. Реставрированный халат отличается от сая отсутствием талии, системы клиньев сзади в нижней части и широкого выреза на груди.

Находимые в могилах шаровары скроены из двух половинок. Шили их из кожи, а богатые — из шелка. Носили их на очкуре и заправляли в пуговицы⁹.

³ О культуре адыгов до XIII в. см.: Л. И. Лавров, Адыги в раннем средневековье, «Сборник статей по истории Кабарды», вып. IV, Нальчик, 1955, стр. 51—64.

⁴ Подробнее см.: Л. И. Лавров, Формы жилища у народов северо-западного Кавказа до середины XVIII века, «Сов. этнография», 1951, № 4, стр. 53.

⁵ В. П. Левашева, Белореченские курганы, Труды Гос. Исторического музея, т. XXII, М., 1953, стр. 190, 191.

⁶ Ф. С. Гребенец, Курганы в окрестностях станицы Змейской, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XLIV, Тифлис, 1915, стр. 21, 28.

⁷ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 188, 189.

⁸ Цит. здесь и в дальнейшем по брошюре: А. Веселовский, Несколько географических сведений о древней России из рассказов итальянцев, СПб., 1870, стр. 17.

⁹ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 191.

В одном из женских погребений у Белореченской обнаружены остатки шубы из меха дикой козы¹⁰.

О ношении мужчинами бурки можно заключить из сообщения Интериано, который пишет, что «их (адыгов. — Л. Л.) верхняя одежда — плащ из войлока, род католической рясы, которая носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку»¹¹.

Головные уборы мужчин были двух, а может быть и трех типов. Одним из них была тюбетейка. А. В. Мачинский в кабардинской могиле XIV—XV вв. под г. Нальчиком нашел «остатки шелковой шапочки в виде скуфьи с двумя полосками серебряного галуна весьма грубой работы»¹². К тому же времени относится найденная В. Сизовым у станицы Раевской «ермолка из шелковой ткани коричневого цвета, разделенная на 6 клиньев или частей узеньким позументом, плетеным из серебряных нитей»¹³. Более подробное описание мужской тюбетейки приводит В. П. Левашева на основании инвентаря курганов близ Белореченской: «Мужчины носили парчевые или шелковые тюбетейки на подкладке из легкого шелка. Верх шился из четырех клинышков, околыш выкраивался прямой... Часто по швам тюбетейка украшалась нашитым шнурком или позументом, иногда вышивалась шелком. Подкладка выкраивалась с таким же околышем, но с верхушкой в виде круга. К макушке пришивался свободно свисавший шнур с кисточкой на конце»¹⁴.

Другим типом мужского головного убора был высокий войлочный колпак, о котором рассказывает Г. Интериано. По его словам, у адыгов «на голове войлочная шапка, острая, будто голова сахара»¹⁵. Именно такие колпаки видны на некоторых фигурах, изображенных на кабардинском каменном кресте 1581 г. из Эльхотово и на фресках в развалинах храма в Балкарии. Такую шапку нашел Н. И. Веселовский в одном из белореченских курганов, но ошибочно принял ее за меховую («высокая конусообразная меховая шапка») ¹⁶. В. П. Левашева, не замечая ошибки Н. И. Веселовского, сочла эту шапку за «папаху»¹⁷. Очевидно, такую же ошибку сделал и Ф. С. Гребенец, когда в кургане около Змейской нашел «над черепом... черные клочки как будто бы кожи с кусочками волос или шерсти» и из этого заключил, что «на покойнике была надета обыкновенная кавказская папаха»¹⁸. Судя по всему, папаха стала принадлежностью костюма у адыгейцев и кабардинцев значительно позже описываемого времени.

Головной убор женщин известен двух типов. Одним из них была высокая остроконечная шапка, распространенная среди женщин в Золотой орде. В. П. Левашева описывает ее следующим образом: «Женские головные уборы делались остроконечные, с макушкой в виде шишака, с лунницей на стержне. В коллекции ГИМ имеется верхняя часть такой шапочки, войлочная, со стержнем и лунницей из шелка, расшитая в верхней части шнуром. Такой же формы, но металлическая, верхушка головного убора была найдена в другом богатом погребении. Она сделана из тонкого листового серебра с накладными узорными пластинками вроде сетки с гнездами для вставок камней или жемчуга. Снизу этот шишак, так же как и войлочный, должен был иметь какой-то околыш, матерчатый или мехо-

¹⁰ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 188.

¹¹ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 17.

¹² А. В. Мачинский, Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, М. — Л., 1941, стр. 319, 320.

¹³ В. Сизов, Восточное побережье Черного моря, «Материалы по археологии Кавказа», II, М., 1889, стр. 95.

¹⁴ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 166; ср. «Отчет Археологической комиссии за 1896 год», СПб., 1898, стр. 15—16 и рис. 140.

¹⁵ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 17.

¹⁶ «Отчет Археологической комиссии за 1896 год», стр. 16 и рис. 84.

¹⁷ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 187.

¹⁸ Ф. С. Гребенец, Указ. раб., стр. 22.

вой, чтобы его можно было надеть на голову. В других погребениях встречались одни металлические стержни с лунницами (золотые и серебряные, позолоченные) от подобных же уборов или одна лунница без стержня. Одна парчевая шапочка имела наверху обкладку из тонкой серебряной треугольной пластинки, которая придавала шапочке вид шишака, а на вершине ее укреплялась серебряная позолоченная лунница на шарике вместо стержня. Кроме того, эта шапочка была украшена грушевидными привесками на цепочках, свисавшими от макушки, как кисти мужских тулупов. Подобные привески встречались, как отделка шапочек, и в других погребениях»¹⁹.

Около станицы Андриюковской в женском погребении был обнаружен «сложный головной убор: на кожаной шапочке были пришиты серебряные вызолоченные узорчатые пластинки, которых... было три; на концах их висели, на серебряных же цепочках, дутые серебряные продолговатые бусы по одной паре; кроме того, собраны обломки большой ромбоидальной тонкой серебряной, густо вызолоченной пластинки, помещавшейся, быть может, наперед шапочки, сверху же ее был утвержден серебряный полумесяц на стержне»²⁰.

Остатки женских шапок с шишаком найдены также в Пятигорье и у станции Эльхотово²¹.

По словам Г. Интериано, адыги носили «сапоги и штиблеты, надевающиеся одни на другие, очень красивые»²². Н. И. Веселовский, производивший раскопки белореченских курганов, так описывает найденную в могилах обувь: «На ногах у мужчин находились кожаные сапоги с низкими голенищами и с прямыми носками, без каблуков. У женщин такие же сапоги, только более изящные. Некоторые представляют не гладкую поверхность, а сделанную как бы сборками, на других идет орнамент в виде кружков и т. п. Цвет их... преимущественно коричневый, но с разными оттенками»²³. По этому поводу В. П. Левашева замечает, что «покрой белореченской обуви точно не восстановлен; в пятигорских курганах обувь представлена низкими башмаками типа чувак с отдельными ноговицами»²⁴. «Ноговицы и чевяки из толстой кожи, похожей на нашу юфту», нашел Н. Каменев в могиле около станицы Баракаевской²⁵. «Сафьяновые козловые голенища тонкой работы и остатки таких же чевяк» известны из раскопок Ф. С. Гребенца у Змейской²⁶.

О поясах известно, что они представляли собою шелковую ленту с металлическим набором (пряжка, обоймица, наконечник, украшения в виде бляшек, колец и т. д.). Набор изготовлялся из серебра, реже из золота. Лента была иногда не цельной, а состояла из нескольких кусков, соединенных между собою кольцами. К поясу подвешивались оружие и различные предметы, нужные в походе. В редких случаях употреблялись пояса в виде сплошной бронзовой, а иногда и золотой цепи²⁷.

Как видно из приведенных материалов, в XIV—XV вв. уже существовали прототипы таких позднейших видов адыгского костюма, как бешмет, бурка, ноговицы и чевяки. Что касается пояса, то по материалу он не был

¹⁹ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 186—188.

²⁰ «Отчет Археологической комиссии за 1896 год», стр. 55.

²¹ Ф. С. Гребенец, Указ. раб., стр. 13; В. Б. Антонович, Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года, «Пятый археологический съезд, Протоколы Подготовительного комитета», М., 1879, стр. 223.

²² А. Веселовский, Указ. раб., стр. 17.

²³ «Отчет Археологической комиссии за 1896 год», стр. 16.

²⁴ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 192.

²⁵ Н. Каменев, Попытки археологических разведок в Кубанской области, газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1870, № 48.

²⁶ Ф. С. Гребенец, Указ. раб., стр. 28.

²⁷ В. М. Сысоев, Описание вещей, добытых из курганов в юртах станиц Кужорской и Ярославской Кубанской области, «Отчет Археологической комиссии за 1895 год», СПб., 1897, стр. 169; Производство раскопок, «Отчет Археологической комиссии за 1896 год», стр. 4—8; В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 194—200.

похож на позднейший, но по форме металлического набора он также имеет с ним сходство. Появление черкески, папахи, башлыка, низкой войлочной шляпы с большими полями и других мужских и женских головных уборов в быту адыгов надо отнести к более позднему времени. В свете этих замечаний нельзя согласиться с авторами опубликованного «Плана-конспекта» по истории Кабарды, которые в категорической форме заявляют, будто в XIV—XV вв. имело место «окончательное оформление типа костюма, ставшего общекавказским»²⁸.

Украшениями для женщин служили золотые и серебряные серьги, перстни, браслеты и, в редких случаях, шейные бусы. Чаще бусы нашивали как на женскую, так и на мужскую одежду. Мужчины носили перстни.

Кроме одежды и украшений, в мужских погребениях XIV—XV вв. часто находят изогнутые сабли с крестовиной у эфеса, кинжалы, ножи, деревянные или берестяные колчаны, обтянутые кожей, такие же саадаки, полусферные шлемы и кольчуги. Г. Интериано рассказывает, что под буркой адыги «носят кольчугу, спускающуюся от пояса складками на староримский лад»²⁹. Копья употребляли редко. В одном из погребений обнаружена булава-шестопер.

В мужских погребениях находят также кожаные мешочки с огнивом, кресалом и кремнем, бритвы и оселки для точки. В связи с этим нужно вспомнить сообщение Интериано о том, что адыги «постоянно носят с собой огниво в красивой кожаной мошнe, вышитой их женами, также бритву и оселок, чтобы точить эту бритву».

Чтобы закончить описание внешнего вида адыгов рассматриваемого времени, отметим, что адыги, по словам того же Г. Интериано, носили длинные усы, а на бритой голове оставляли на макушке длинный чуб, подобный запорожскому «оселедцу».

В женских погребениях обычно встречаются: гребни, ножницы, костяные иглы и игольники, костяные веретена и деревянные ларцы с предметами, относящимися к вышиванию, шитью и косметике.

Из других предметов материальной культуры, употреблявшихся у адыгов в рассматриваемое время, отметим седла со стремениами и кожаные матрацы, набитые душистыми травами³⁰.

Разница в похоронных обрядах, которая видна при обследовании адыгских могильников XIV—XV вв., заставляет предполагать значительные локальные отличия и в области духовной культуры того времени.

Отсутствие письменности у адыгов лишает нас возможности воссоздать их духовную культуру в тот период. Приходится ограничиваться тем немногим, что дают скудные известия иностранцев и некоторые археологические материалы. Г. Интериано сообщает: «У них нет грамоты, да они ее и не употребляют, ни своей, ни чужой; попы служат по-своему, словами и письменами греческими, которых сами не понимают. Когда им случится необходимость написать к кому-нибудь, что бывает очень редко, они поручают это дело евреям, большей частью еврейскими буквами; но обыкновенно посылают друг к другу нарочных с устной вестью»³¹.

Слова Интериано не следует понимать в том смысле, что среди адыгов, будто бы, не было грамотных людей. В мужском погребении XIV—XV вв. около станицы Чамлыкской найдены принадлежности для письма: «серебряный пенал, внутри которого помещена костяная тонкая палочка»³².

²⁸ «Очерки по истории Кабарды. План-конспект», «Ученые записки Кабардинского научно-исследоват. ин-та», т. V, Нальчик, 1949, стр. 319.

²⁹ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 17.

³⁰ Там же, стр. 18.

³¹ Там же, стр. 16.

³² Н. Каменев, Попытки археологических разведок...

В течение XIII—XV вв. адыгейская и кабардинская речь восприняла много татарских и некоторое количество итальянских терминов. Из числа понятий, относящихся к скотоводству, торговле, общественным отношениям, верованиям и пр., до сих пор обозначаемых в адыгейском и кабардинском языках тюрко-монгольскими терминами³³, значительная часть была заимствована от татар именно в XIII—XV вв.

Торговые связи с генуэзцами и венецианцами, подобно связям с татарами, также оставили след в адыгейском и кабардинском языках. Давно признано, что адыгейско-кабардинское слово «сом», ныне означающее «рубль», происходит от итальянского «somma», которое, в свою очередь, произошло от латинского «summa»³⁴. Кабардинское слово «сей» и адыгейское «сай», означающее черкеску, также через генуэзцев пришло из Западной Европы, где оно означало различные виды платья.

Интерриано оставил яркие зарисовки быта адыгской знати второй половины XV в. Многие из рассказанного им можно отнести ко всей массе кабардинского и адыгейского населения того времени. По его словам, адыгские женщины рожают на соломе. Новорожденного купают в реке, независимо от времени года. Имя ребенку дают то, которое носит первый из посторонних, зашедший в дом к роженице. Знатные прибегают к отдаче своих детей на воспитание посторонним (аталичество). Девушки пользовались тогда большей свободой, чем это было в XIX в.

Интерриано отмечает обычай левирата. Много места уделяет он описанию военного быта феодальной знати. Они, говорит он, ложатся спать с оружием, постоянно ходят в набеги, стыдятся заниматься торговлей и любят лошадей. Отличаясь щедростью, адыгская знать вместе с тем никогда не дарит своего оружия, обувь и любимого коня. Г. Интерриано особо подчеркивает гостеприимство адыгов. Интересно его описание погребальных обычаев. По его словам, набальзамированный покойник восемь дней после смерти лежит на высоком ложе, сооруженном для этой цели в поле. Ежедневно сюда приходят родственники и знакомые, чтобы принести свои дары. Во время похорон особо знатных лиц один из присутствующих публично овладевает 12—14-летней девушкой. Покойника обычно хоронят в колоде. Для этого «берут что ни на есть толстое дерево и от самой толстой части отрезают в длину, насколько окажется нужным; потом раскалывают его надвое, выдалбливают настолько, чтоб можно поместить тело с частью принесенных даров. Положив тело, складывают обе половины дерева и относят на место, назначенное для погребения, где толпа народа собирается делать над покойником темху, то есть земляной курган; и чем он был знатнее и чем более у него было друзей и подданных, тем выше и больше насыпался курган». Погребение завершалось трезной³⁵.

Правдивость описания, оставленного Интерриано, подтверждается сочинениями более поздних авторов, а его рассказ о погребальных обрядах адыгов целиком согласуется с данными археологических раскопок адыгских могильников того времени.

Погребения в распиленных вдоль долбленых колодах не раз встречались при раскопках. Следует заметить, что, кроме колоды, описанной Интерриано, известны и другие варианты гроба: медный гроб³⁶; деревянная

³³ А. Е. Бескровный, К вопросу о социальной основе и путях некоторых лексических заимствований в адыгейском языке дореволюционного периода, Труды Краснодарского гос. пед. ин-та, т. VI, вып. I, Краснодар, 1937, стр. 49—50 и др.

³⁴ Е. Д. Фелицын, Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области, «Кубанский сборник», V, Екатеринодар, 1899, стр. 23; Г. Ф. Турчанинов, Язык, письменность, печать, Сб. «Кабардинская АССР», Нальчик, 1946, стр. 266. См. также тезисы диссертации Н. Ф. Яковлева «Грамматика кабардино-черкесского языка» в кн.: «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та», т. II, Нальчик, 1947, стр. 293.

³⁵ А. Веселовский, Указ, раб., стр. 15—21.

³⁶ Один медный гроб обнаружен также в Абхазии. См. «Отчет Археологической комиссии за 1911 год», СПб., 1914, стр. 84.

полуколода, крытая доской или досками; доска, крытая полуколодой; полуколода, крытая полуколодой же; цельная колода, в которую всовывали покойника; досчатый гроб, крытый полуколодой; досчатый гроб без дна, крытый полуколодой; гроб без дна, крытый доской; досчатый гроб, крытый досками; гроб на доске или бревне; гроб без крышки; деревянный ящик без дна и без крышки; гроб в деревянном склепе; деревянный склеп без гроба; деревянный склеп без гроба со стенками, выложенными камнем; могильная яма со сводом из сырцовых кирпичей; яма со срубной крышей; могила, обложенная по бокам камнями без крыши; тоже закрытая сверху доской: яма, крытая досками³⁷; грунтовая яма; могила с плоскими камнями в головах и в ногах; каменный ящик, закрытый доской; каменный ящик, крытый каменными же плитами; наконец. погребение с телом, со всех сторон обложенным древесной корой. Покойника клали то в могильной яме, то на поверхности земли и затем насыпали над ними курган. Многие погребения имеют слой угля под скелетом или сверху гроба. Под скелетом нередко встречается подстилка из песка, извести или мела. В ряде погребений обнаружена золотая, серебряная или глиняная посуда (блюда, чашки, миски) под головой, плечами, локтями или пятками погребенного. Последний обычай как бы заново возрождает аналогичную черту ряда меотских погребений античного времени. В качестве редких исключений адыгские могильники XIV—XV вв. иногда содержат покойников в сидячем положении (станции Абинская, Белореченская, сел. Заюково). Иногда встречаются погребения с конем или мулом. В редких случаях могилы «кабардино-белореченского» типа включают по два костяка, что напоминает часто встречающиеся двойные, тройные и даже четверные синхронные погребения в каменных ящиках Черноморского побережья.

Адыгские погребения в колодах и гробах датируются XIV—XV вв.; они не встречаются ни в раннем средневековье, ни в более позднее время, когда население перешло к мусульманскому похоронному обряду. Хотя мы пока лишены возможности указать причины возникновения обычая погребения в колодах, но вряд ли подлежит сомнению, что самый факт его появления свидетельствует о какой-то неизвестной нам эволюции религиозных верований, происшедшей в XIII в.

Очень мало известно о древних верованиях адыгов, сохранившихся в XIII—XV вв. В сочинении А. Контарини есть рассказ о том, что встреченная им в Мегрелии адыгейка Марфа лечила его тем, что привесила ему на шею какой-то амулет³⁸. Более интересные сведения находим в сочинении И. Шильтбергера, который в начале XV в. посетил адыгов. Он сообщает, что убитые молнией признаются у адыгов святыми. Гроб с телом убитых молнией не закапывают в землю, а вешают на дерево. При этом в течение трех дней совершаются обрядовые пляски и жертвоприношения, повторяемые ежегодно³⁹. Нет сомнения, что первобытные верования адыгов в это время были очень сильны.

В то же время официально адыги признавались православными. Ибн-Батута, видевший адыгов в 1334 г. в гор. Маджаре, называет их христианами⁴⁰. По словам И. Шильтбергера, «у язычников черкес» «служат богу по греческому вероисповеданию»⁴¹. И. Барбаро (середина XV в.) также говорит, что «черкесы исповедуют греческую веру»⁴². Г. Интериано сооб-

³⁷ Одна из таких могил открыта в г. Грозном. См.: «Раскопки древнего кургана», газ. «Грозненский рабочий» от 22 июня 1939 г.

³⁸ А. Контарини, Путешествие к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году, «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 73.

³⁹ И. Шильтбергер, Путешествия по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год, «Записки Новороссийского ун-та», т. I, Одесса, 1867, стр. 59, 60.

⁴⁰ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 306.

⁴¹ И. Шильтбергер, Указ. раб., стр. 101, 102; ср. также стр. 59.

⁴² И. Барбаро, Путешествие в Тану, «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб., 1836, стр. 56.

щает, что адыги «исповедуют христианскую веру и священников имеют по греческому обряду»⁴³.

О христианстве свидетельствуют и погребения «кабардино-белореченских» могильников, и значительная часть приморских погребений в каменных ящиках. Совершенно неправильно считает В. П. Левашева, будто в могильниках «белореченского» типа «никаких следов христианства не прослеживается»⁴⁴. Положение покойника на спине, головой на запад, нередко в гробе — черты, свойственные христианству. Что же касается встречающихся в адыгских могильниках вещей, а иногда и пищи, то это объясняется не отсутствием у адыгов христианства, а сочетанием его с местными древними верованиями.

О том, что адыги, признавая христианство православного толка своей официальной религией, на самом деле плохо исполняли предписания последней, свидетельствуют не только слова И. Шильтбергера, определившего адыгов как язычников, считавшихся христианами. Как сообщает Интериано, у адыгов «крестятся только взрослые, 8 лет и старше простым кроплением и благословением священника. Знатные не входят в церковь, пока им нет 60 лет, когда исполнится им 60 лет или около того, они... тогда уже начинают ходить к службе, а до тех пор присутствуют при ней верхом у дверей церкви, а не иначе»⁴⁵. Упадок православия в XIV—XV вв. объясняется в значительной мере тем, что в это время ослабели связи адыгов с другими народами, исповедывавшими православие. Русские земли были отрезаны от адыгов широкой полосой татарских кочевий, а Византия доживала свои последние годы. В середине XV в. Византия была завоевана турками. Связь же с Грузией всегда была затруднительной, так как осуществлялась через Главный Кавказский хребет. После разгрома алан татарами Аланская епархия (с центром в верховьях Большого Зеленчука) к 1347 г. прекратила свое существование⁴⁶.

В XIII—XV вв. итальянцы пытались проповедывать на Кавказе католичество. В начале XIV в. миссионер Франческо да Камерино обратил в католицизм адыга Верзахта, занимавшего пост ханского наместника в в г. Воспоро (Керчь). Сам Верзахт, в свою очередь, пытался проповедывать католицизм среди местного населения. Папа Иоанн XXII в специальном послании к Верзахту в 1333 г. благодарил его за «усердие»⁴⁷. В 1346 г. папа Климент VI назначил францисканца Иоанна католическим епископом в Матригу. В Джулате в начале XV в. была католическая церковь и проживали монахи кармелитского ордена, занимавшиеся миссионерской деятельностью среди местного населения и отправлявшие церковную службу на татарском языке. Там находилась тогда и кафедра католического епископа⁴⁸. В 1439 г. на адыгской территории были учреждены две епископские и одна архиепископская (в Матриге) католические кафедры. Но они, видимо, просуществовали недолго. По крайней мере, в последующих документах они не упоминаются. В пользу предположения о кратковременности существования этих кафедр говорит также следующий эпизод. Генуэзец Антонио Италияно построил церковь в Копарио, которая была передана в ведение францисканского монастыря, находившегося в Каффе. Церковь эта обслуживала итальянцев и должна была способствовать обращению в католицизм адыгов. Так как итальянцы появлялись в Копарио преимущественно в сезон заготовки рыбы и икры, а миссионерская проповедь не была успешной, то монастырь посылал в Копарио священника только на летнее время, и зимой церковь бывала закрытой. Очевид-

⁴³ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 15.

⁴⁴ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 213.

⁴⁵ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 15.

⁴⁶ Ф. Брун, Черноморье, II, Одесса, 1880, стр. 245.

⁴⁷ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв., «Исторические записки», 3, 1938, стр. 119, 120.

⁴⁸ И. Шильтбергер, Указ. раб., стр. 31, 32.

но, дела копарийской церкви шли плохо, и каффинский монастырь перестал заботиться о поддержании в ней богослужения. В дело вмешались протекторы банка Сан-Джорджо, по приказу которых консул в Каффо в 1467 году передал копарийскую церковь в распоряжение каффинского епископа. Если бы в это время существовала Матригская архиепископия и другие католические епископы в Адыгее, то более естественным была бы передача этой церкви в их распоряжение. Таким образом, затея с учреждением на Тамани архиепископской кафедры католиками провалилась довольно скоро.

Что касается церкви в Копарио, то против передачи ее Каффинскому епископу подняли протест францисканский монастырь и ряд его защитников, которые в следующем, 1468 году добились в Генуе восстановления прав этого монастыря на указанную церковь⁴⁹.

Почти ничего не известно о методах католической пропаганды среди адыгов. Судя по всему, миссионеры не ограничивались убеждением. Так, по словам И. Барбаро, францисканские монахи специально покупали адыгских детей и насильственно обращали в свою веру⁵⁰.

Католическая проповедь служила целям укрепления экономических и политических позиций итальянского торгового капитала. Однако она оказалась слишком слабой в столкновении с многовековой традицией адыгского православия, тесно сочетавшегося с еще более старинными и более сильными древними адыгскими верованиями. Ослабление политических позиций Генуи на Черном море к середине XV века свело на-нет шансы миссионеров приобщить адыгов к Западной церкви.

Известная история с «князем Таманским» Захарием Гуйгурсисом, исповедывавшим юдаизм, заставляет предполагать в XV в. на Западном Кавказе попытки проповеди иудейской религии. Если они, действительно, имели место, то были еще менее удачными, чем проповедь западноевропейских миссионеров.

Упадок православия сопровождался проникновением ислама, который впервые был занесен на Северный Кавказ арабами в VIII — X вв. Куфическая надпись религиозного содержания, обнаруженная на городище Джулат⁵¹, говорит о присутствии мусульман в непосредственном соседстве с территорией Кабарды уже около X—XII вв. Полукуфические мусульманские надписи, относящиеся примерно к XIII в., обнаружены в развалинах города Маджары, на р. Куме⁵². Во второй половине XIII в. ханы Золотой орды приняли ислам, ставший с начала XIV в. официальной религией татар. Ибн-Батута сообщает о существовании в 1324 г. соборной мечети в Пятигорье⁵³. Таким образом, ислам к XIV в. распространился до самых границ Кабарды. О распространении его среди части адыгейцев и, особенно, кабардинцев уже в XIV—XV вв. свидетельствует тот факт, что в XVI в. кабардинские и адыгейские князья уже присягают только «по своей вере, по мусульманскому закону»⁵⁴. Первыми приняли новую веру, очевидно, князья и близко стоявшая к ним мелкая феодальная знать.

Религия, независимо от ее толка, не являлась всеобщим регулятором жизни народа. Отсутствие школьного образования не означало отсутствия в народе эмпирических научных знаний. Адыги, например, были знакомы с лечебными свойствами некоторых трав. А. Контарини сообщает, что,

⁴⁹ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Указ. раб., стр. 120, 121.

⁵⁰ И. Барбаро, Указ. раб., стр. 20, 21.

⁵¹ В. И. Мошинская и А. П. Смирнов, Археологические исследования в РСФСР за 1947 год, «Краткие сообщения ИИМК», XXVI, М.—Л., 1949, стр. 137.

⁵² J. Klapproth, Voyage au mont Caucase et en Géorgie, т. I, Paris, 1823, стр. 169; Ю. Проценко, Заметка о куфических надписях в ауле Арзия и в развалинах Маджар, а также о ширванских древностях, «Изв. Кавказского об-ва истории и археологии», т. I, вып. 1, Тифлис, 1882, стр. 50—51.

⁵³ В. Тизенгаузен, Указ. раб., т. I, стр. 301.

⁵⁴ С. Белокуров, Сношения России с Кавказом, т. I, М., 1880, стр. 47, 107, 138.

когда он в 1475 г. заболел, то адыгейка Марфа, «обложив меня травами и деревянным маслом, тем облегчила несколько мои страдания»⁵⁵.

То немногое, что известно о народном искусстве адыгов XIII—XV вв., ограничивается скудными сведениями о плясках⁵⁶, вышивании, резьбе по дереву и металлу. Нельзя сомневаться в существовании тогда фольклора, песенных напевов и различных видов прикладного искусства, оставшегося нам неизвестным.

Г. Интериано сообщает об адыгах: «Знатные жены не занимаются никакими другими работами, кроме вышивания, либо тканья, красиво вышивая кисеты для огнива и кожаные пояса»⁵⁷. В «кабардино-белореченских» могильниках XIV—XV вв. найдено большое число вышитых тканей и изделий из кожи, украшенных вышивкой, а также принадлежностей для вышивания. Вышивкой покрывались одежда, шелковая обивка гробов (в тех случаях, когда хоронили в гробах), кожаные сумки, колчаны и другие предметы. Орнамент наносился преимущественно шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Для украшения кожаных вещей применялся и способ аппликации. По наблюдению В. П. Левашевой, «иногда один и тот же узор повторялся на вещах из разных погребений»⁵⁸.

Художественная резьба по дереву зафиксирована на стенках ларцов, которые служили женщинам для хранения предметов рукоделия, косметики, ценностей и пр. В отличие от вышивок и аппликаций, где применялся обычно растительный орнамент, резьба по дереву имеет узоры преимущественно геометрического характера (шестиконечные звезды и розетки из треугольников и кругов). Но иногда резчик изображал на ларцах растения и людей⁵⁹.

Большое число находок металлических украшений, покрытых растительным резным орнаментом (поясные пряжки, а также наконечники, и т. д.), дает основание предполагать, что адыги — наряду с привозными — пользовались и изделиями местных мастеров-резчиков по металлу.

Характер растительного орнамента на предметах XIV—XV вв. отличается от позднейшего орнамента Адыгеи и Кабарды, который в настоящее время признается в этих местах национальным. В связи с этим возникает вопрос о происхождении позднейшего адыгейско-кабардинского орнамента. Попытки доказать происхождение его от скифского или кобанского орнамента оказались несостоятельными. В то же время даже не специалисту бросается в глаза сходство позднейшего орнамента кабардинцев и адыгейцев с орнаментом осетин, абазин, абхазцев, ногайцев, а через последних — с орнаментом народов Средней Азии⁶⁰. Это объясняется тем, что позднейший орнамент горско-кавказских народов возник под непосредственным влиянием татар.

Наиболее ранний образец использования адыгами татарского орнаментального стиля представлен на каменном кресте из сел. Каменноостского⁶¹, стоящем сейчас перед входом в музей в гор. Нальчике. Крест этот имеет типичную для средневековья форму (наподобие «георгиевского» креста). Вместо обычных греческих надписей, на нем изображены различные фигуры. Одна из них, чрезвычайно фантастическая по форме, заставляет предполагать в ней религиозный символ не христианского и не мусульманского характера, очевидно, связанный с древними кабардинскими верованиями. Другим знаменательным изображением на кресте является мусульманский религиозный символ — полумесяц. Крест этот

⁵⁵ А. Контарини, Указ. раб., стр. 73.

⁵⁶ И. Шильтбергер, Указ. раб., стр. 60.

⁵⁷ А. Веселовский, Указ. раб., стр. 20.

⁵⁸ В. П. Левашева, Указ. раб., стр. 192.

⁵⁹ Там же, стр. 183.

⁶⁰ Имеется в виду орнамент вышивок, аппликации и раскраски тканей и войлоков.

⁶¹ М. Ермоленко, Памятники древнего христианства на Кавказе, Труды Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. V, Ставрополь, 1913, стр. 1.

свидетельствует, возможно, что было время, когда население Кабарды исповедывало религию, представлявшую собой сочетание христианства, ислама и местных древних верований, причем христианство считалось как бы официальной религией. Так как проникновение к кабардинцам ислама происходило в XIV—XV вв., а в XVI в. христианство здесь уже уступило ведущую роль исламу, то Каменноостский крест следует датировать XIV—XV вв. На одной из сторон его имеется растительный орнамент того стиля, который до наших дней представлен на кабардинских вышивках. Будучи самым ранним памятником нынешнего кабардинского орнамента, Каменноостский крест свидетельствует о распространении его в Кабарде уже в XIV—XV вв.

Материальная и духовная культура кабардинцев и адыгейцев XIII—XV вв., несмотря на слабую ее изученность, обнаруживает этническое своеобразие. Наряду с этим, в ней присутствуют многие черты, свойственные другим народам, с которыми кабардинцы и адыгейцы имели то или иное общение. Было бы ошибкой считать, что культура предков кабардинцев и адыгейцев никогда не была источником заимствования. Мы не знаем, какова была роль адыгов в выработке общего типа глинобитного жилища с соломенной крышей, издавна распространенного не только на Западном Кавказе, но и на юге России. Не известен также первоначальный источник, из которого адыгские князья, киевский князь Святослав, а позднее запорожцы, заимствовали одинаковую прическу. До появления глубоких лингвистических разысканий преждевременно решать вопрос, адыгского ли происхождения имя антского князя Идара, или же оно, как и такое же кабардинское имя (известное с рубежа XV—XVI вв.), восходит к неизвестному нам общему источнику. Неоднократные попытки объяснить причину появления сходного по звучанию, но одинаково непонятого свадебного припева у русских и адыгов до сих пор не привели к положительным результатам. То же можно сказать о сходных чертах в одежде, фольклоре, верованиях и т. д. Однако во многих явлениях как восточнославянской, так и адыгской культуры можно видеть результат древних культурных связей между этими народами. Старое украинское слово «джегун», вероятно, происходит от кабардино-адыгейского «джегу» (играй), а в основе «уненина» в «Поучении Владимира Мономаха», возможно, лежит кабардино-адыгейское «унэ» (дом). С другой стороны, правильно ли думать, что древнерусская православная церковь (в частности, ее аванпост в Тмутаракани) не сыграла никакой роли в распространении и поддержании православия среди адыгов в X—XII вв.? Так как адыгские погребения в деревянных колодах XIV—XV вв. — христианские, то возникает вопрос: не пришел ли этот обряд с Руси? Во всяком случае ни Византия, ни Грузия не могли быть источником подобного заимствования.

Каков бы ни был результат дальнейших исследований, не подлежит сомнению, что адыги, как и другие народы Кавказа, вместе с русскими и народами Юго-Восточной Европы были участниками созидания общих культурных ценностей прошлого.

Присоединение Кабарды к России в 1557 г. было необходимо для Кабарды не только с политической точки зрения. Уже в ту пору русская культура была выше кабардино-адыгейской. Достаточно напомнить, что Кабарда и Адыгея к тому времени не имели даже зачатков школьного образования, письменности, литературы, монументальной архитектуры, организованной почтовой связи. Правда, территориальная удаленность Кабарды от русских земель и последующие политические события затормозили процесс приобщения кабардинцев к достижениям русской культуры; он стал активно протекать только через 300 лет. Ростки просвещения, пробившиеся в Кабарде в середине XIX в., были все же слишком слабы, а царский режим был мало подходящим условием для их развития. Эти условия были созданы Великой Октябрьской социалистической революцией.